

§1 ДОКТРИНА

Карпович О.Г.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ В СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** Настоящая статья посвящена анализу новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ 31 декабря 2015 года. Объект исследования – национальная безопасность Российской Федерации; предмет исследования – новые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации, формы. Методы и направления ее обеспечения. Цель настоящего исследования – дать комплексную оценку новой Стратегии обеспечения национальной безопасности РФ применительно к текущей внешнеполитической обстановке и проанализировать характер и содержание новых вызовов и угроз (таких как цветные революции, новые формы международного терроризма, гибридные войны), впервые указанных в новой редакции настоящей Стратегии. Методологической основой исследования является системный, структурно-функциональный, сравнительно-политический подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, наблюдения. Новая редакция Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 года представляет собой основополагающий (доктринальный) документ стратегического планирования политики Российской Федерации в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства, в котором сформулированы цели, задачи, направления и приоритеты внешней и внутренней политики РФ в сфере безопасности; в установленном порядке, в соответствии с внутренней иерархией представлены национальные интересы РФ, вызовы и угрозы ее безопасности, в том числе – новейшие, не входившие ранее в сферу внимания аналогичных документов: новейшие виды сетевого международного терроризма, цветные революции, государственные перевороты, гибридные войны. Это делает Стратегию предельно четким, конкретным и рабочим документом, содержащим не только точные (с правовой и фактической точек зрения) оценки причин кризиса на Украине, гражданской войны в Сирии, причин возникновения международного террористического альянса во главе с ИГИЛ, а также роли цветных революций в этих процессах, но и мировоззренческие оценки и установки, формирующие объективную картину мира.*

Ключевые слова: геополитика, Россия, международные отношения, глобальная нестабильность, социально-политические процессы, политический режим, интересы, государство, безопасность, риски.

Abstract. This article is devoted to the analysis of the new edition of the National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Presidential Decree from December 31, 2015. The object of study is the national security of the Russian Federation; while the subject of research is the new challenges and threats to national security of the Russian Federation, as well as the form, methods and trends of its provision. The purpose of this study consists in giving a comprehensive assessment of the new strategy of ensuring Russia's national security in relation to the current foreign policy situation, and analyze the nature and content of the new challenges and threats (such as the color revolutions, new forms of international terrorism, hybrid war) first mentioned in the new edition of this Strategy. The methodological basis of the study is the systematic, structural and functional, comparative political approaches, methods of analysis, synthesis, induction, deduction, observation. The new National Security Strategy revision of the Russian Federation dating back to December 31, 2015 represents a fundamental (doctrinal) strategic planning document policy of the Russian Federation in the sphere of ensuring the security of individuals, society and the state, in which the aforementioned goals and tasks, directions and priorities of foreign and domestic policy of Russia in security are formulated; in the prescribed order, in accordance with the internal hierarchy represented by the national interests of Russia, threats and challenges of e security, including new, not previously included in the scope of attention similar documents are presented: new types of network of international terrorism, the color revolutions, coups, hybrid war. This makes this strategy an extremely precise document containing not only the exact (from a legal and factual point of view) assessments of the causes of Ukrainian crisis, Syrian civil war, and international terrorist alliance led by ISIL, but also the role of the color revolutions in these processes, and the ideological evaluation and orientation that formulate the objective image of the world.

Key words: political regime, socio-political processes, global instability, international relations, Russia, geopolitics, interests, state, security, risks.

31 декабря 2015 года Президент Российской Федерации подписал указ об утверждении обновлённой Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Несмотря на присутствие в официальном сообщении Администрации Президента РФ прилагательного «обновлённая» [1], Стратегия национальной безопасности (далее – Стратегия), утвержденная 31 декабря 2015 года, – совершенно новый документ, полностью отражающий те колоссальные изменения, которые произошли за 2014-15 гг. с Россией и миром. В Стратегии учтены также новые риски и угрозы, связанные с развитием кризиса на Украине и гражданской войной в Донбассе, с участием российских Вооруженных Сил в антитеррористической операции в Сирии, ставшей глобальной угрозой международного терроризма и новым глобальным противостоянием (новой «холодной войной»), навязываемой Россией Соединенными Штатами Америки и некоторыми странами Запада посредством попыток международной изоляции России, введения санкций, втягивания России в новую гонку вооружений в связи с быстрым продвижением НАТО на восток и создания баз НАТО (в том

числе, входящих в систему ПРО) непосредственно вблизи границ с Российской Федерацией.

Все эти новые вызовы и угрозы, отмеченные в новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 года, являются следствием абсолютно новой реальности, возникшей в результате трех главных мировых событий: добровольного вхождения Крыма в состав Российской Федерации, ставшего началом «Русской весны» и народного восстания на Донбассе; операции российских Воздушно-космических сил в Сирии, направленной на уничтожение международных террористических группировок – в первую очередь, таких как запрещенные в Российской Федерации группировки ИГ-ДАИШ («Исламское государство», ИГ, ИГИЛ, ДАИШ) и Джебхат ан-Нусра (с 2016 года изменила название на Джейш аль-Фатх); острой фазой военно-стратегического противостояния с НАТО, связанного с агрессивным продвижением НАТО к границам Российской Федерации. Последнее сопровождается быстрым сосредоточением на стартовых (для развязывания прямой вооруженной агрессии) позициях вблизи российских границ ударных

группировок (батальонные тактические группы в Литве, Латвии и Эстонии); развертыванием в Польше и Румынии финальной части системы противоракетной обороны, оснащённой противоракетами, конструктивно способными нести, в том числе, и ядерный заряд; многочисленными вооружёнными провокациями, принявшими в последнее время особо острый и агрессивный характер (рейды американского эсминца «Дональд Кук» в акваторию Черного и Балтийского морей, сбитый над Украиной – предположительно Вооружёнными силами Украины – малазийский «Боинг» МН-17), апогеем которого стало в 2015 году уничтожение турецким истребителем российского бомбардировщика Су-24 в небе над Сирией. Несмотря на то, что, после инцидента с российским бомбардировщиком и трагической гибели пилота от рук протурецких боевиков-«туркоманов», руководство НАТО не поддержало Турцию и фактически отказало ей в защите и покровительстве (высказывались версии о том, что Р.Т. Эрдоган не согласовывал атаку своих ВВС на российский самолет с руководством НАТО в Брюсселе: первое, что он сделал сразу после инцидента, позвонил в Вашингтон, который, видимо, заранее давал ему определенные гарантии в случае, если российский самолет все-таки будет сбит), эта провокация стала тем самым поводом, который реально поставил Россию и НАТО на грань прямого вооруженного столкновения. Появление этих угроз сопровождалось стремительно нарастающим кризисом Европейского Союза, перешедшим в 2015 году в неожиданно острую фазу: миграционный кризис в Европе, сделавший ее мишенью для террористических атак исламистов (терракты в Париже в ночь с 13 на 14 ноября 2015 года), наличие у последних на территории Франции, Бельгии, Германии сети опорных баз [2], нежелание некоторых ведущих стран Евросоюза (Великобритании) нести совместное бремя расходов на сдерживание потока мигрантов (закончившееся впоследствии выходом Великобритании из состава ЕС – т.н. «Брексетом»), странские взаимоотношения Германии и Турции, вылившиеся в обмена ультиматумами по поводу финансирования деятельности турецкого правительства по сдерживанию миграционного потока и другие факторы поставили Евросоюз на грань распада и сделали его прозрачным для транзита террористических угроз как в отдельные страны Европы, так и на Восток – в Российскую Федерацию. Эти угрозы нового вида, отягощенные гибри-

дной войной, ведущейся против России практически по всем направлениям (экономическом, дипломатическом, психологическом, информационном и т.д.) и стали тем фактором, который побудил руководство Российской Федерации пересмотреть прежнюю редакцию Стратегии национальной безопасности (документа, ставшего результатом долговременного стратегического планирования), которая должна была действовать до 2020 года [3]. Не случайно в новой Стратегии сказано, что «наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО) и наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, активизация военной деятельности стран блока, дальнейшее расширение альянса, приближение его военной инфраструктуры к российским границам создают угрозу национальной безопасности» [4]. В этой связи в Стратегии отмечается, что «в целях защиты национальных интересов Россия проводит открытую, рациональную и прагматичную внешнюю политику, исключающую затратную конфронтацию» [4], в том числе исключающую втягивание России в «новую гонку вооружений» [4], которая, согласно Стратегии, также является одним из самых опасных новых вызовов безопасности Российской Федерации.

Настоящая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации – это доктринальный основополагающий документ стратегического планирования, определяющий «национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу» [4]. Стратегия является основой для «формирования и реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации» [4]. Сок действия Стратегии, в отличие от ее предшественницы – Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года – в тексте документа не предусмотрен; сделано это, в первую очередь, потому, что новая Стратегия «заточена», в первую очередь, на наиболее острые и актуальные на текущий момент угрозы и вызовы национальной безопасности Российской Федерации, источником которых являются конкретные кейсы – украинский кризис и вона против

международного терроризма в Сирии, которые носят динамичный характер и в течение ближайших двух-трех лет могут либо совсем сойти с мировой сцены (в случае уничтожения террористов ИГИЛ и Аль-Кайды объединёнными силами антитеррористической коалиции, состоящей из России, США, европейских стран, САР и др. государств, выступающих против террористического интернационала), либо приобрести новое качество, совершенно меняющее их звучание в иерархии угроз международной безопасности и национальной безопасности Российской Федерации. Новая Стратегия национальной безопасности России носит характер «ситуационного реагирования», которое наиболее точно отвечает нынешним исключительно высоким темпам динамики и изменчивости международной обстановки, характеризуемой экспертами в сфере мировой политики и безопасности, такими как П.А. Цыганков, терминами «нарастающая турбулентность» и «глобальная неопределенность» [5], ведущая к еще одному явлению – хаотизации международных отношений и мировой политики, затрудняющего формирование многополярного мира. Последнее (хаотизация международных отношений) также является одной из актуальных угроз национальной безопасности Российской Федерации, выступающей за справедливое и многополярное мироустройство, которое не устраивает политическую элиту Соединенных Штатов, стремящуюся инициированием многочисленных войн и вооруженных конфликтов в различных регионах мира (в Ираке, Афганистане, Сирии, Ливии, Йемене, Украине) максимально отдалить приход новой эпохи плюралистической многополярности.

Не случайно один из идеологов американского либерализма – Д. Розенау – утверждает, что главным «качественным результатом изменений в сфере международных отношений становится образование так называемого международного континуума, символическими персонажами которого выступают турист и террорист» [5]. С точки зрения Д. Розенау, возникновение такой группировки как ИГИЛ является прямым следствием такого рода изменений, происходящих с миром по «объективным» (с точки зрения американских неоллибералов) причинам. Это, отчасти, объясняет приверженность США идее о том, что всех террористов можно делить на «хороших» и «плохих»; последних надо публично и образцово наказывать, с последними допустимо установление сотруднических и, даже, в неко-

торых случаях (например, с талибами в Афганистане – ради безопасности своих военных баз, или с группировками сирийской оппозиции, условно обозначаемыми как «умеренные»), партнерских отношений. Не случайно в новой Стратегии отмечается, что «появление террористической организации, объявившей себя «Исламским государством», и укрепление ее влияния стали результатом политики двойных стандартов, которой некоторые государства придерживаются в области борьбы с терроризмом» [4], и указываются прямые и косвенные виновники сложившейся ситуации.

По мнению А.П. Цыганкова, «формирование действительно полицентрического или многополярного мира потребует значительного времени. Скорее всего, этот период неопределенности или «несбалансированности» продлится не одно десятилетие и окажется наиболее опасным со времени окончания Второй мировой войны» [6]. Ученый считает, что «российской внешней политике нужны новые теоретические ориентиры, выводящие ее за пределы чрезмерно абстрактной и дезориентирующей теории многополярного мира» [6]. Вполне возможно, что такими ориентирами станет новая редакция Концепции внешней политики Российской Федерации, разработка основных блоков которой должна быть завершена к осени 2016 года. В этой концепции также найдет свое отражение новый пул вызовов и угроз безопасности Российской Федерации во внешнеполитической сфере, отраженный в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 года.

Наибольшее влияние на содержание новой Стратегии национальной безопасности от 31 декабря 2015 года оказал вооруженный конфликт в Сирии, в котором Россия приняла участие по официальному приглашению единственного законного и легитимного правительства Сирийской Арабской Республики – правительства Башара Асада. Даже украинский кризис, в связи с переходом его в вялотекущую «замороженную» фазу (благодаря усилиям «нормандской четверки» по разработке, подписанию и реализации «Минских соглашений»), перестал оказывать существенное влияние на ранжирование угроз национальной безопасности РФ, хотя и продолжает оставаться одной из наиболее опасных «спящих» угроз, возможно, ожидающих своей активизации. Для специалистов, формировавших новый перечень угроз нацбезопасности, в конце 2015 года было очевидно, что фокус

внешней политики РФ переместился на сирийское направление, а украинский кризис временно «ушел» на периферию. В этом контексте он (украинский кризис) и описан в новой Стратегии. В сфере внутренней политики первоочередными угрозами национальной безопасности стали экономический кризис, ведущий к снижению жизненного уровня граждан Российской Федерации; секционная политика США и ЕС, отчасти связанная с экономическим кризисом и волатильностью национальной валюты в РФ, но, при этом, имеющая ряд позитивных сторон в плане реализации Россией политики импортозамещения и возрождения реального сектора экономики (в форме малого и среднего бизнеса); и угроза политической дестабилизации ситуации в стране, связанная с попытками США и их военно-политических союзников, действующих через определенные общественные силы и движения внутри самой РФ, применить в России технологии цветных революций.

На последней угрозе необходимо остановиться подробнее: сегодня уже является общепризнанным фактом то, что цветные революции – это технологии организации государственных переворотов в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме шантажа, а инструментом шантажа выступает молодежное протестное движение, организованное по специальному сетевому принципу-схеме. Цветные революции действительно представляют собой чрезвычайно опасную угрозу национальной безопасности Российской Федерации, поскольку это – технологии государственных переворотов, прекрасно отточенные и апробированные на многих странах мира, на различных типах современных политических режимов. «Евромайдан» 2013-14 гг. в Украине, «Электромайдан» 2015 года в Армении, «революция зонтиков» 2014 года в Гонконге (КНР) – все это примеры цветных революций, звенья одной цепи. Гражданская война в Сирии тоже начиналась с цветной революции так называемой «Арабской весны». Все цветные революции (если только это не тестовые варианты, как в Армении на площади Баграмяна в 2015 году, и не цветные революции с т.н. «усеченной схемой», как в 2014 году в Гонконге) заканчиваются одним и тем же результатом – государственным переворотом, насильственным свержением легитимной власти, принудительным демонтажем политического режима; из типичные результаты – распад и исчезновение государства как

такового (Ливия, Украина), внешне управление страной (Украина 2013 г. – н.в., Грузия при М. Саакашвили), гражданская война (Ливия, Сирия, Украина), иностранная военная интервенция (типичный пример – Ливия; в Сирии этот сценарий Вашингтону повторить не удалось). Повторение такого же сценария идеологи и архитекторы современных цветных революций хотели бы видеть и в России. В тексте новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации цветные революции в разделе IV Стратегии включены в перечень угроз государственной и общественной безопасности Российской Федерации: «деятельность радикальных общественных объединений и группировок, ... направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование цветных революций». При этом отмечается, что «практика свержения легитимных политических режимов, провоцирования внутривнутригосударственных нестабильности и конфликтов получает все более широкое распространение» [4].

В понятийном аппарате новой редакции Стратегии национальной безопасности России особых изменений не произошло – изменилось конкретное смысловое наполнение используемых в Стратегии терминов и определений – применительно к конкретной международной и внутривнутриполитической обстановке, к роли России в мировых процессах. По-прежнему базовое понятие – национальная безопасность Российской Федерации – рассматривается как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз», при котором обеспечиваются «реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» [4]. Этот подход к определению безопасности РФ как состояния защищенности на протяжении многих лет вызывал волну острой критики со стороны, как военных, так и гражданских экспертов, утверждавших, что полное состояние защищенности в принципе не достижимо (всегда существуют и будут существовать угрозы безопасности), а если оно все-таки однажды будет достигнуто, то тогда будет потерян смысл в существовании понятия «угроза», так как угроза – это фактор, посягающий

на состояние безопасности и способный, при определенных условиях, систему из этого состояния принудительно вывести [7]. Тем не менее, в новой редакции Стратегии это ключевое понятие не было доработано или модернизировано, что свидетельствует о стремлении сохранить некоторую преемственность между новой Стратегией и предшествующими ей аналогичными правовыми актами. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации.

Угроза национальной безопасности Российской Федерации в рамках данной Стратегии определяется как «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам», которые, в свою очередь, описываются как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития» [4]. Все сформулировано четко и логично, хотя, в целом, остается за рамками понимания, как именно можно нанести ущерб «объективно значимым потребностям» личности, общества и государства до момента их удовлетворения. «укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации; укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны; сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей; повышение конкурентоспособности национальной экономики; закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира» [4]. Важно отметить, что в Стратегии формирующийся миропорядок назван полицентрическим (то есть многополярным), несмотря на то, что формирование многополярного мира, идущего на смену распадающейся американоцентричной многополярности, с научной точки зрения. Все-

го лишь гипотеза, а не доказанный факт. Хотя в это, конечно, очень хочется верить.

Помимо категории национального интереса, в Стратегии вводится особая категория национального приоритета Российской Федерации (в Стратегии они, также как и национальные интересы, выступают во множественном числе). Согласно тексту документа, стратегические национальные приоритеты – это «важнейшие направления обеспечения национальной безопасности», которыми руководствуется общегосударственная система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, представляющая собой «совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов государственной власти и органов местного самоуправления и находящихся в их распоряжении инструментов» [4]. В Стратегии к национальным приоритетам отнесены «оборона страны; государственная и общественная безопасность; повышение качества жизни российских граждан; экономический рост; наука, технологии и образование; здравоохранение; культура; экология живых систем и рациональное природопользование; стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство» [4].

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 года сфокусирована, прежде всего, вокруг международных проблем. Это понятно: пик разработки и согласования основных положений Стратегии пришелся на первую фазу операции российских ВКС в Сирии. Поэтому международная проблематика в тексте документа явно превалирует над проблематикой национальной. Так, в Стратегии отмечается, что «процесс формирования новой полицентричной модели мироустройства сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности; обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран, борьбой за ресурсы, доступом к рынкам сбыта, контролем над транспортными артериями; конкуренция между государствами все в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития»; «все активнее используется потенциал специальных служб» [4]. При этом Россия укрепляет свои позиции на мировой арене, но происходит это на фоне новых угроз национальной безопасности, имеющих комплексный взаимосвязанный характер. «Проведение Российской Феде-

рацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах» [4], что провоцирует рост напряженности и риски возникновения конфликтов. При этом США и их союзники проводят в отношении России политику сдерживания – комплекс мер экономического, политического, военного давления, в котором заметную роль играют санкции. Впрочем, как отмечается в Стратегии, «экономика России проявила способность к сохранению и укреплению своего потенциала в условиях ... применения ограничительных экономических мер, введенных рядом стран против Российской Федерации» [4]. Тем самым, Стратегия констатирует, что санкции против России сегодня являются угрозой с «меняющимся статусом», опасность которой подлежит регулярной переоценке (так как Россия научилась с ними жить и даже, отчасти, справляться).

Весьма важным и своевременным звучит заявление о том, что «в международных отношениях не снижается роль фактора силы» [4]. Этот факт подтверждают и исследования ведущих российских ученых-международников, в частности, профессора П.А. Цыганкова [5]. Можно согласиться с тем, что «стремление к наращиванию и модернизации наступательного вооружения, созданию и развертыванию его новых видов ослабляет систему глобальной безопасности, а также систему договоров и соглашений в области контроля над вооружением» [4]. Это, в современных условиях, представляется довольно очевидным фактом. При этом возможности поддержания глобальной и региональной стабильности действительно «существенно снижаются при размещении в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе и на Ближнем Востоке компонентов системы противоракетной обороны США, в условиях практической реализации концепции глобального удара, развертывания стратегических неядерных систем высокоточного оружия, а также в случае размещения оружия в космосе» [4]. В самом деле, американские противоракеты нового поколения. Размещенные на базе ПРО в Румынии, могут нести ядерный заряд и, в этом случае, выступать в роли тактического ядерного оружия, вопреки договору о его ограничении. На наличие такого рода угроз Стратегия обращает особое внимание.

Отдельно в перечне угроз национальной безопасности РФ упоминается неконтролируемая миграция (имеется в виду, прежде всего, ев-

ропейский миграционный кризис), показавшая несостоятельность региональной системы безопасности в Евро-Атлантическом регионе, построенной на основе НАТО, и «сохраняющийся блоковый подход» к решению международных проблем, не способствующий противодействию современным вызовам и угрозам безопасности. Кроме того, «сохраняется риск увеличения числа стран – обладателей ядерного оружия, распространения и использования химического оружия, а также неопределенность относительно фактов обладания иностранными государствами биологическим оружием, наличия у них потенциала для его разработки и производств» [4]. Это – серьезная проблема, актуальная еще и в плане того, что арсеналы химического и биологического оружия в условиях множественности конфликтов могут попасть в руки террористических группировок, как это уже неоднократно наблюдалось в ходе гражданской войны в Сирии.

Украина и украинский кризис в Стратегии представлены фрагментарно, но, при этом, весьма четко: все, что происходило в 2013-15 гг. в Украине, называется своими именами, без купюр. Так, смена власти в Украине в 2014 году прямо названа «антиконституционным государственным переворотом», поддержанным США и ЕС, без поддержки которых он вряд ли бы вообще состоялся. При этом поддержка Запада государственного переворота на Украине привела к «глубокому расколу в украинском обществе и возникновению вооруженного конфликта», превратившего Украину в «долгосрочный очаг нестабильности в Европе и непосредственно у границ России» [4]. Таким образом, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации государственному перевороту на Украине была дана надлежащая официальная правовая оценка.

Для предотвращения угроз национальной безопасности Российская Федерация «сосредоточивает усилия на укреплении внутреннего единства российского общества, обеспечении социальной стабильности, межнационального согласия и религиозной терпимости, устранении структурных дисбалансов в экономике и ее модернизации, повышении обороноспособности страны» [4]. При этом стратегическими целями обороны РФ признается обеспечение ее военной безопасности и создание условий для мирного развития, а деятельность по достижению стратегических целей обороны страны видится в стратегическом сдерживании противника и предотвращении военных конфликтов.

Таким образом, новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года, представляется документом актуальным и современным, точно и предметно расставившим акценты в отношении вызовов и угроз национальной безопасности РФ и форм и методов противодействия им на государственном уровне. В нем зафиксированы новейшие угрозы безопасности страны, такие как цветные революции, гибридные войны, и дана им правовая оценка. Очень точно даны оценки истинным целям и задачам внешней политики США в Сирии и на Украине, и эти оценки носят взвешенный характер. При этом США простигают сквозь эти положения как страна-агрессор, несущая ответственность и за дестабилизацию положения и

гражданскую войну на Украине, и за войну в Ливии и Сирии, и за возникновение ИГИЛ. И это действительно так. В отношении событий 2013-14 гг. на Украине Стратегия также дает чрезвычайно точную оценку: она квалифицирует смену власти в 2014 году как антиконституционный государственный переворот, что также очень точно отражает суть процессов, породивших нынешний украинский кризис и ставших причиной восстания на Донбассе и выхода Крыма из состава Украины и его вхождения в состав Российской Федерации. В целом, Стратегия очень точно отражает объективную реальность, сложившуюся на текущий момент в сфере безопасности, рисков и угроз. Это – рабочий документ, содержащий, помимо руководящих указаний, еще и значительную мировоззренческую составляющую.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Утверждена Стратегия национальной безопасности России // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 2015, 31 декабря. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/51129> (Дата доступа: 8 августа 2016 г.)
2. Журавлев В.П. Европейский Союз перед угрозой новой волны террористических актов и цветных революций // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2015. № 3. С. 55-62.
3. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2009, N 20, ст. 2444).
4. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 2015, 31 декабря. URL: <http://kremlin.ru/acts/> (Дата доступа: 8 августа 2016 г.)
5. Цыганков П.А. Мировая политическая динамика современного мира. Теория и практика. М.: Издательство Московского университета, 2014. 576 с.
6. Цыганков А.П. Отложенный полицентризм. [Электронный документ] / Россия в глобальной политике. 2014. № 4. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Otlozhennyi-politcentrizm-16924> (Дата обращения 04.03.2016)
7. Макеев А.В. Политика и безопасность / А.В. Макеев. М.: Щит-М, 1998. 270 с.
8. Буневич Д.С. Польская диаспора как инструмент «мягкой силы» Варшавы на Востоке // Конфликтология / nota bene. 2016. № 1. С. 20 – 28. DOI: 10.7256/2409-8965.2016.1.17905.
9. Зеленков М.Ю. О проблемах фундаментальных категорий теории обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Национальная безопасность / nota bene. 2014. № 6. С. 997 – 1005. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.6.13776.
10. Зеленков М.Ю. Опасность, угроза – базовые категории теории национальной безопасности // Национальная безопасность / nota bene. 2015. № 1. С. 32 – 47. DOI: 10.7256/2073-8560.2015.1.14220.
11. Филиппов В.Р. Чад: война всех против всех // Международные отношения. 2016. № 1. С. 92-105. DOI: 10.7256/2305-560X.2016.1.16829.
12. Арямова А.Д. Практическая реализация технологий цветных революций в Украине в 2004 и 2014 гг.: сравнительный анализ // Международные отношения. 2015. № 4. С. 439-442. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.4.17179.
13. Кашулин Д.А. Энергетическая безопасность как исследовательская задача политической науки // Национальная безопасность / nota bene. 2015. № 6. С. 875 – 885. DOI: 10.7256/2073-8560.2015.6.12958.
14. Бояркина О.А. Эволюция американской стратегии в Центральной Азии // Международные отношения. 2016. № 1. С. 50 – 54. DOI: 10.7256/2305-560X.2016.1.17897.

15. Курилкин А.В. Эволюционное развитие психологической борьбы: от пропаганды к психологическим операциям // *Международные отношения*. 2014. № 3. С. 472 – 474. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.3.11855.
16. Гушер А.И. Вызовы и угрозы безопасности России // *Мировая политика*. 2014. № 1. С. 64 – 75. DOI: 10.7256/2409-8671.2014.1.10748. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10748.html
17. Филиппов В.Р. Реформирование российской государственности: политизация этничности или деэтнизация политики? // *Казанский федералист*. 2002. № 1. С. 17-35.
18. Филиппов В.Р., Филиппова Е.И. Национально-культурная автономия в контексте совершенствования законодательства // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 3. С. 46-59.
19. Фельдман П.Я. Механизмы политического согласования интересов: системный анализ // *Конфликтология / nota bene*. 2015. № 4. С. 416 – 423. DOI: 10.7256/2409-8965.2015.4.17394.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Utverzhdena Strategiya natsional'noi bezopasnosti Rossii // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossiiskoi Federatsii. 2015, 31 dekabrya. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/51129> (Data dostupa: 8 avgusta 2016 g.)
2. Zhuravel' V.P. Evropeiskii Soyuz pered ugrozoi novoi volny terroristicheskikh aktov i tsvetnykh revolyutsii // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Ser. «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki». 2015. № 3. S. 55-62.
3. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 12 maya 2009 g. N 537 «O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda» (Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 2009, N 20, st. 2444).
4. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 31 dekabrya 2015 goda N 683 «O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii» // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossiiskoi Federatsii. 2015, 31 dekabrya. URL: <http://kremlin.ru/acts/> (Data dostupa: 8 avgusta 2016 g.)
5. Tsygankov P.A. Mirovaya politicheskaya dinamika sovremennogo mira. Teoriya i praktika. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014. 576 s.
6. Tsygankov A.P. Otlozhenniy polittsentrizm. [Elektronnyi dokument] / Rossiya v global'noi politike. 2014. № 4. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Otlozhenniy-politcentrizm-16924> (Data obrashcheniya 04.03.2016)
7. Makeev A.V. Politika i bezopasnost' / A.V. Makeev. M.: Shchit-M, 1998. 270 s.
8. Bunevich D.S. Pol'skaya diaspora kak instrument «myagkoi sily» Varshavy na Vostoke // *Konfliktologiya / nota bene*. 2016. № 1. С. 20 – 28. DOI: 10.7256/2409-8965.2016.1.17905.
9. Zelenkov M.Yu. O problemakh fundamental'nykh kategorii teorii obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene*. 2014. № 6. С. 997 – 1005. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.6.13776.
10. Zelenkov M.Yu. Opasnost', ugroza – bazovye kategorii teorii natsional'noi bezopasnosti // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene*. 2015. № 1. С. 32 – 47. DOI: 10.7256/2073-8560.2015.1.14220.
11. Filippov V.R. Chad: voina vseh protiv vseh // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016. № 1. С. 92-105. DOI: 10.7256/2305-560X.2016.1.16829.
12. Aryamova A.D. Prakticheskaya realizatsiya tekhnologii tsvetnykh revolyutsii v Ukraine v 2004 i 2014 gg.: sravnitel'nyi analiz // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2015. № 4. С. 439-442. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.4.17179.
13. Kashulin D.A. Energeticheskaya bezopasnost' kak issledovatel'skaya zadacha politicheskoi nauki // *Natsional'nayabezopasnost' / notabene*. 2015. № 6. С. 875–885. DOI: 10.7256/2073-8560.2015.6.12958.
14. Boyarkina O.A. Evolyutsiya amerikanskoi strategii v Tsentral'noi Azii // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016. № 1. С. 50 – 54. DOI: 10.7256/2305-560X.2016.1.17897.
15. Kurilkin A.V. Evolyutsionnoe razvitie psikhologicheskoi bor'by: ot propagandy k psikhologicheskim operatsiyam // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2014. № 3. С. 472 – 474. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.3.11855.
16. Gusher A.I. Vyzovy i ugrozy bezopasnosti Rossii // *Mirovaya politika*. 2014. № 1. С. 64 – 75. DOI: 10.7256/2409-8671.2014.1.10748. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10748.html
17. Filippov V.R. Reformirovanie rossiiskoi gosudarstvennosti: politizatsiya etnichnosti ili deetniatsiya politiki? // *Kazanskii federalist*. 2002. № 1. S. 17-35.
18. Filippov V.R., Filippova E.I. Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya v kontekste sovershenstvovaniya zakonodatel'stva // *Etnograficheskoe obozrenie*. 2000. № 3. S. 46-59.
19. Fel'dman P.Ya. Mekhanizmy politicheskogo soglasovaniya interesov: sistemnyi analiz // *Konfliktologiya / nota bene*. 2015. № 4. С. 416 – 423. DOI: 10.7256/2409-8965.2015.4.17394.